

Дмитрий Бирюков

Универсальное и его приложения: рецензия на книгу
Universals in Ancient Philosophy / Ed. Riccardo Chiaradonna, Gabriele
Galluzzo. Pisa: Scuola Normale Superiore, 2013. (Seminari e convegni 33.)
ISBN 978-88-7642-484-7*

DMITRY BIRIUKOV

THE UNIVERSAL AND ITS APPLICATIONS: Review of the Book
Universals in Ancient Philosophy / Ed. Riccardo Chiaradonna, Gabriele Galluzzo. Pisa:
Scuola Normale Superiore, 2013. (Seminari e convegni 33.) ISBN 978-88-7642-484-7

ABSTRACT. The text presents a review on the volume dedicated to the problem of universals in the Ancient philosophical tradition.

KEYWORDS: universals, Platonism, Aristotelism, cosmology, Neo-Platonism, patristics.

Проблема универсалий — одна из древнейших в философии — формулируется во вступительной статье к этой книге ее редакторами так, что это проблема, связанная с вопросом о том, как много категорий мы должны ввести в онтологию: имеется ли только единичное, либо нечто универсальное — объединяющее множество единичностей — также может претендовать на онтологический статус? И если универсалии существуют, то как нечто ограничиваемое местом и временем, подобно единичным вещам, или

© Д.С. Бирюков (Санкт-Петербург). dbirjuk@gmail.com. Научно-образовательный центр проблем философии, религии, культуры при Санкт-Петербургском Государственном университете аэрокосмического приборостроения.

* В настоящей публикации использованы материалы исследования, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 13-33-01299, «Горизонты естествознания восточнохристианского средневековья».

нет? Проблема универсалий обычно рассматривается как укладывающаяся в рамки двух основных линий понимания ее решения: реализма и номинализма; редакторы и авторы сборника следуют этой парадигме. Как это определяют редакторы книги, реализм предполагает, что те общие концепты, которые наличествуют в нашем уме, имеют под собой определенное реальное основание в виде так или иначе понимаемых универсальных сущностей; номинализм утверждает, что таковые концепты есть лишь следствие нашей способности обобщать и нет никакой необходимости постулировать общие сущности для их объяснения (здесь проявляется принцип онтологической экономии) (ср. р. 12).

Сборник статей, посвященный проблематике универсалий в античной философской традиции, имеет две главные цели: во-первых, обозначить вклад античной традиции в такую важную для философии проблематику, как проблематика универсалий, и для этого реконструировать различные стратегии, характерные для античной мысли в отношении этой проблематики; и, во-вторых, реконструировать концептуальный и исторический контекст этих стратегий (р. 4). Кроме этого, сборник направлен на то, чтобы связать античные представления о статусе универсалий с современными представлениями относительно этого вопроса. А именно, в предисловии к сборнику Риккардо Кьярадонна и Габриэле Галуццо предоставляют полезный очерк современных учений об универсалиях, в связи с некоторыми античными представлениями. В отношении позиции реализма в плане универсалий в современной философии Кьярадонна и Галуццо выделяют аристотеликов (как, например, Дэвид Армстронг) и платоников (как Бертран Рассел и Питер ван Инваген). Оба направления принимают универсалии в качестве реально существующих, но современные аристотелики принимают универсалии в качестве существующих только в единичном, тогда как платоники утверждают, что универсалии существуют отдельно от единичного. Аристотелики считают, что универсалии конкретны, зависят в своем существовании от существования единичного, и разумно

принять, что, согласно им, универсалии зависимы от хронотопа; согласно же современным платоникам, универсалии абстрактны, не зависят в своем существовании от единичного и существуют вне рамок хронотопа (р. 6–7). Как показывают Кьярадонна и Галуццо, исследования, представленные в рассматриваемом сборнике и в особенности касающиеся Платона и Аристотеля, имеют отношение ко многим вопросам, являющимся предметом полемики между современными платониками и аристотеликами.

В статье «Универсалии до универсалий: некоторые замечания о Платоне в его контексте» Мауро Бонацци показывает вклад софистов в развитие проблемы универсалий в античной философии. Бонацци настаивает, что именно полемическая заостренность Платона против концепции логоса у софистов послужила развитию в платоновской доктрине учения об универсалиях (р. 25); влияние же Сократа на развитие платоновской теории универсалий, вывод о каковом обычно делается на основании слов Аристотеля в *Met.* М 4, как считает Бонацци, преувеличено (р. 37–38). Ведя речь о представлениях софистов относительно универсалий, Бонацци обращает особенное внимание на фигуры Протагора, Продика и Антисфена. Бонацци рассматривает положение софистов о том, что «невозможно противоречить», и показывает, что понимание Протагором этого положения отличалось от его понимания Антисфеном и Продиком: у первого оно связано с тезисом о том, что всякая истина относительна, поскольку каждый из людей есть мера вещей, у последних — с тем пониманием, что язык может адекватно отражать все разнообразие реальности, и потому противоречия суть только видимость, т.к. один из двух полемизирующих собеседников в своих высказываниях будет адекватно отражать реальность, тогда как второй — нет. Несмотря на это расхождение, и Протагор, и Антисфен с Продиком разделяют один и тот же номиналистический взгляд на реальность как на то, что является всегда единичным и никогда не тем же самым (р. 27–30). Обращаясь к диалогу *Менон*, Бонацци обращает внимание, что Платон не отвергает прямо предпо-

сылки тех, с кем он полемизирует (в данном случае — софистов), но подходит к ним диалектически, заимствуя то, что может послужить материалом для обоснования его собственных взглядов. Так, он отталкивается от предпосылок умеренных конвенционалистов среди софистов о том, что имеется определенное отношение между словами и вещами, и настаивает, что если это так, то поскольку мы можем говорить о классах объектов, до всякого множества должно иметь место единство (р. 32).

Франческо Адемолло представляет пространную работу «Платоновская концепция идей: некоторые замечания», посвященную реконструкции платоновской теории идей. Для того, чтобы дать общее представление о платоновских идеях как универсалиях, Адемолло суммирует сказанное Платоном об идеях в *Меноне* и приходит к выводу, что идеи в своей сути есть нечто общее и универсальное, что делает различные вещи существенно тем же самым постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же идее (р. 42–44). Далее Адемолло рассматривает монадические (т.е. безотносительные) и полиадические (т.е. предполагающие отношения) универсалии; идеи, о которых Платон говорит с прибавлением само-; идеи как образцы, а также т.н. самопредидицируемые идеи (идея в отношении F сама есть F ; в этом плане Адемолло полемизирует с тем пониманием, что в случае самопредидицируемых идей у Платона предикат сказывается в одном и том же отношении об идее и о вещи); формулу «что F есть»; виды предикаций и др. Много внимания Адемолло уделяет вопросу о том, можно ли говорить о трансцендентности идей-универсалий, и если можно, то в каком смысле. Адемолло выделяет два возможных смысла утверждения о трансцендентности идей: считать, что идеи трансцендентны, может значить, что они существуют в некоей особенной не-пространственно-временной реальности, отличной от реальности вещей (позиция Бертрана Рассела в *Проблемах философии*); либо это может значить, что они существуют, не будучи воплощенными в чувственные вещи. Адемолло приходит к выводу, что в *Тимее* идеи понимаются как трансцендентные в пер-

вом смысле (р. 78). Но при этом платоновские идеи также и «в» материальных вещах, как это следует, например, из некоторых мест *Пира*, *Федра* и *Кратила*; но «в» вещах они не в том смысле, что они получают пространственную локализацию, а в каком-то ином (р. 80). Относительно же трансцендентности идей у Платона как того, что может не иметь воплощения в материальных вещах, Адемолло соотносит эту концепцию с фрегевским концептом смысла и признает ее справедливость в том отношении, что идея у Платона может быть *еще* не воплотившейся ни в какую вещь.

Статья Марвана Рашеда «Пять платоновских гипотез о мире (*Tim.* 55cd), математика и универсалии» посвящена математической онтологии Платона, представленной в *Тимее*. Рашед отталкивается от теории Сары Уотерлоу (Sarah Waterlow), по которой диалог *Тимей* — это ответ Платона на критику в отношении его собственной ранней онтологии, представленной в *Пармениде*. Согласно Рашеду, именно это понимание позволяет понять платоновскую математическую онтологию в ее истинном свете (р. 86). Рашед указывает, что основная проблема, поднимаемая в *Пармениде*, — это проблема соотношения единого и многого: для идей характерна единственность (т.е. если нечто есть идея, то она одна), для вещей — множественность. Проблемой является понимание перехода от единого к многому. Аристотель решает эту проблему путем введения множественности в форму/идею, Платон же — путем введения математических и геометрических объектов, которые занимают место между (μεταξύ) идеями и чувственными вещами. Рашед настаивает, что этот ход Платон должен был сделать именно для того, чтобы разрешить трудности, проговоренные в *Пармениде*; и что Аристотель был прав, говоря о платоновских математических объектах как о том, что находится «между» идеями и вещами (*Met.* A 6). Рашед реконструирует платоновскую иерархию сущего, имея в виду эти опосредующие объекты, и приходит к выводу о наличии у Платона следующей иерархии: числа, соответствующие идеям (относящиеся к диалектике); затем область математического, того, что «между»: пропор-

ции (соответствующие арифметике), поверхности (соответствующие геометрии) и тела (соответствующие стереометрии); следующий уровень занимают движущиеся тела — астрономические объекты, относящиеся уже к области хоры (р. 101).

В статье «Платон и принцип единого-над-многим» Дэвид Сэдли обсуждает соотношение между различными видами общих понятий и идей у Платона. Сэдли полемизирует с тем достаточно распространенным представлением, согласно которому Платон постулировал наличие идеи для каждого общего понятия. На основании 5-й и 10-й книг *Государства* Сэдли аргументирует, что в рамках классического извода учения об идеях Платон учил, что идеи относятся только к тому, что имеет свойство парности, и к искусственным объектам.

В работах Мауро Мариани и Габриеле Галуццо «Универсалии в аристотелевских логических работах» и «Универсалии в аристотелевской *Метафизике*» обсуждается позиция Аристотеля в отношении универсалий. Полемизируя с трактовкой Аристотеля в духе номинализма, Мариани и Галуццо, подробно останавливаясь на *Органоне* и *Метафизике*, предлагают анализ учения Аристотеля, из которого следует его умеренная реалистическая позиция в отношении универсалий: универсалии отличны — в отношении бытия и единства — от единичного, о котором они сказываются. Отличие подхода, представленного в *Органоне*, от подхода *Метафизики*, как показывает Мариани, состоит в том, что в *Органоне* идет речь, в частности, об универсалиях в отношении акцидентов, тогда как в *Метафизике* Аристотель не проявляет интереса к этой теме, что связано с акцентом на физической и биологической картине мира в этом труде.

Работа Ады Броновски «Эпикурейцы и стоики об универсалиях» посвящена универсалиям у Эпикура и стоиков. Броновски показывает, что хотя позицию и Эпикура, и стоиков можно отнести к концептуальному номинализму, между ними имеется различие: Эпикур не различает между самим ментальным актом и

его содержанием, тогда как стоики проводили это различие и относили универсалии именно к последнему.

Статья Риккардо Кьярадонны «Александр, Боэтий и другие перипатетики: теория универсалий у аристотелевских комментаторов» посвящена проблеме универсалий у Боэтия Сидонского и Александра Афродисийского — двух главных, как считает Кьярадонна (р. 299–300), комментаторов Аристотеля в постэллинстическую эпоху, а также у некоторых платонических комментаторов, в основном Дексиппа и Симпликия. В начале своей статьи Кьярадонна приводит большой отрывок из комментария Дексиппа на *Категории*, подтверждаемый Симпликием, где Дексипп, критикуя перипатетическое учение о том, что универсалии зависят в своем существовании от единичностей и не существуют независимо от них, отождествляет учения об универсалиях у Александра и Боэтия. Однако на самом деле, как показывает Кьярадонна, эти два перипатетика развивали два различных и альтернативных способа прочтения Стагирита (р. 300). Критикуемое Дексиппом положение можно понимать в двух смыслах. Согласно одному из них, не существует ничего универсального, отличного от того, что имеется в единичностях; т.е. универсалии — в единичном постольку, поскольку не существует ничего помимо единичного. Согласно другому, универсалии есть нечто отличное от единичного, однако они не являются независимыми от единичных и не могут существовать без них. Первый подход, предполагающий понимание универсалий в смысле *collectio*, Кьярадонна называет экстенциональным (extensional), второй, предполагающий умеренный реализм, — интенциональным (intensional). Кьярадонна доказывает, что Боэтий придерживался первого взгляда, тогда как Александр Афродисийский — второго. Как указывает Кьярадонна, от этих позиций отличается учение об универсалиях у неоплатонических авторов, особенно «сильный реализм» Ямвлиха, по которому универсалии существуют до вещей, как независимые от единичностей самосущие сущности, к которым причастуют нижележащие универса-

лии в вещах, или имманентные универсалии, каковые, однако, выше единичностей (р. 302). Рассматривая учение Боэтия, Кьярадонна касается вопроса отождествления им «сущности» с первой сущностью по Аристотелю (р. 305–306), его учения об «универсальном времени» (р. 306–307), обсуждает вопрос о том, имело ли место стоическое влияние на Боэтия, когда он критикует платоновскую концепцию идей, а затем показывает важный пункт расхождения между Александром и Боэтием, заключающийся в том, что Боэтий не признавал, что аристотелевская вторая сущность имеет субстанциональный статус, тогда как Александр настаивал на этом (р. 311). Также Кьярадонна рассматривает свидетельство Симпликия о наличии у Боэтия учения об идеальных числах и обсуждает, противоречит ли это его критике платоновской концепции идей. Кьярадонна приходит к интересному выводу о том, что идеальные числа могли пониматься Боэтием так, что это некие интеллигибельные единичности, и поэтому они отличаются от (критикуемых Боэтием) платоновских идей, для которых характерна универсальность. В этом отношении реконструируемые позиции Боэтия и Александра — каковой, кажется, также признавал идеальные числа — схожи (р. 317–318, 328). В плане учения Александра, Кьярадонна показывает, что тот критикует как номиналистическую позицию относительно универсалий, имплицитно полемизируя в этом с Боэтием, так и предельно реалистическую позицию, согласно которой сущностное определение относится к невещественной и отделенной от единичного сущности. Кьярадонна показывает, что, согласно Александру, общая природа имманентно присутствует в единичном; таковая природа может быть схвачена в определении, и именно когда она схвачена, она становится универсальной.

Питер Адамсон в статье «Единственное в своем роде: Плотин и Порфирий об уникальном единичном» рассматривает учение Аристотеля, Александра Афродисийского, Плотина и Порфирия о единичном, которое не имеет общего вида или рода с чем-либо еще (уникальным единичным) — наподобие Солнца, как оно

понималось в древности. Он показывает, что чувственные вещи такого плана рассматривались неоплатоническими философами как имеющие некие общие свойства с тем, что относится к умопостигаемой реальности, несмотря на их физический статус (р. 330). Адамсон начинает свою статью с общего очерка представлений Плотина и Порфирия об универсальном. Он говорит о трех видах «общего» у неоплатоников: до многого, во многом и после многого, и указывает, что эта классификация предполагает, что назвать идею/форму общей (κοινόν) — не то же самое, что назвать ее универсальной (καθόλου), поскольку универсальное — это то, как общее ухватывается абстрагирующей способностью человеческого ума. Адамсон связывает это различие с доктриной Порфирия, различающего идею/форму в вещах и в уме, при том что это есть одна и та же форма (р. 331–332). Для Плотина же в материальных вещах не может существовать формы, но только ее образ, поскольку чувственно воспринимаемая сущность не есть истинное бытие и подвержена разделению, а именно, разделению в пространственном и временном смыслах. Поэтому для Плотина имманентные вещам формы находятся в разделенном состоянии. Обращаясь к проблематике уникального единичного, в начале Адамсон рассматривает соответствующее учение Аристотеля и Александра Афродисийского, а затем переходит к Плотину и Порфирию. В целом он различает два рода примеров уникального единичного у неоплатоников: космологические, такие как примеры Солнца, Луны и космоса, и контрфактуальные, как пример единственного живущего на Земле человека (в эпоху античности люди, не знавшие о возможности создания ядерной бомбы и других средств массового поражения, не могли представить, что на Земле действительно может существовать лишь один человек). Адамсон показывает, каким образом у Плотина и Порфирия факт уникальной единственности космоса и небесных тел предполагает их вечность и божественность.

Майкл Гриффин в своей статье «Универсалии, образование и философская методология в позднем платонизме» рассматрива-

ет универсалии через призму философского образования, философской методологии и философии языка в античном платонизме, в основном у Порфирия и Симпликия. Гриффин соотносит позицию неоплатоников с позицией Уилларда Куайна: согласно им, обыденный язык именуется чувственно воспринимаемое (р. 355). Платоники соотносили речь о чувственно воспринимаемом, наиболее явном для нас, с самым начальным уровнем погружения в философию, соответствующим изучению аристотелевских *Категорий*. Поэтому умопостигаемые природы, такие как, например, человек или животное, не могут быть раскрыты в языке на стадии изучения *Категорий*. Ответ поздних неоплатоников относительно пути от более явного для нас к более явному по природе (т.е. к узрению умопостигаемых сущностей) Гриффин представляет в виде четырех частей: 1) изучение категорий с переходом от обыденного языка к такому языку, который адекватно проводит разделение составных уровней бытия и отсылает к интеллигибельным сущностям; 2) переход от неопределенного и непознаваемого к определенному и познаваемому; 3) научение тому, как разделять, и в особенности разделять между сущностным и акцидентальным; 4) для осуществления этого — преобразование наших предпосылок через путь диалектики и изучение истории философии.

Еще одна статья Рикардо Кьярадонны, «Универсалии в античной медицине», как следует из ее названия, посвящена универсалиям в контексте античной медицины. Кьярадонна рассматривает вопрос: если медицина необходимо работает с человеческими индивидуумами, значит ли это, что имеется некое знание о единичном? Ведь если да, то это расходится с позицией Аристотеля о том, что знание — это всегда знание об универсальном. Кьярадонна рассматривает аристотелевское понимание этого вопроса, так же как позицию Галена, отличающуюся от аристотелевской.

Наконец, заключительная статья сборника, «Универсалии у греческих отцов Церкви», написанная Йоханнесом Цаххубером, посвящена тематике универсалий у греческих отцов Церкви.

Цаххубер отмечает, что проблема универсалий волновала отцов Церкви не сама по себе, но только поскольку она могла служить для прояснения церковной доктрины (р. 427). В этом отношении Цаххубер выделяет две полемики в рамках истории Церкви, для которых проблема универсалий была актуальна: триадологическую и христологическую (р. 428–429). Здесь можно сделать уточнение, добавив в этот список, приводимый Цаххубером, также паламитские споры, для каждой из сторон которых было характерно определенное понимание проблематики универсалий, связанное с сутью споров¹. Исследование Цаххубера состоит из трех частей: в первой части идет речь об учении Аполлинария Лаодикийского, фигуру которого Цаххубер рассматривает как первого автора в патристике, который использовал систематически концепт универсальной природы; во второй части идет речь об учениях Василия Кесарийского и, особенно, Григория Нисского, которые существенно видоизменили и переработали концепцию универсальной природы Аполлинария, приспособив ее для нужд поздненикейского богословия; третья часть посвящена «канонизации» в византийском богословии учения Григория об универсальной природе. В первой части своей статьи Цаххубер разбирает переписку Василия Кесарийского и Аполлинария Лаодикийского, отраженную в письмах 361 и 362 из корпуса Василия. Цаххубер полагает, что в этой переписке проявляется желание Василия узнать, может ли Аполлинарий предложить трактовку понятия «единосущие» (ὁμοούσιους) по отношению к Лицам Божества, о котором идет речь в Никейском символе, не в смысле генеративного отношения между сущностью и ипостасями (что Цаххубер связывает с платонической парадигмой), как это иногда понималось, но как отсылающую к универсалии, понимаемой в смысле имманентного реализма (р. 429–430). В ответ Аполли-

¹ См. мою статью: Biriukov D. Hierarchies of Beings in the Patristic Thought: Maximus the Confessor, John of Damascus, and the Palamites // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. Vol. 10. *Syrians and the Others: Cultures of the Christian Orient in the Middle Ages* / Ed. B. Lourie, N. Seleznyov. 2014. P. 288ff.

нарий предложил деривативное понимание единосущия (заимствуя это из того же Никейского символа), где сущность Божества идентифицируется с Богом-Отцом; но при этом он также приводит важную для последующей патристической мысли аналогию, в рамках которой Лица/Ипостаси и природа Троицы соотносятся с человеческой природой и ипостасями. В рамках этой аналогии Аполлинарий использует специфическое понимание соотношения общего и частного, с одной стороны, укорененное в библейском богословии, а с другой — пересекающееся с античной философской мыслью: он говорит о серии, в которой первый член есть в то же время универсалия. Цаххубер показывает, что Василий и особенно Григорий переработали Аполлинариево понимание единосущия и, на основании аналогии с человеческой природой, предложили то понимание, согласно которому сущность Божества представляет собой универсалию, которой в равной мере обладают Лица Троицы. Также Цаххубер касается концепта *φύσις* у Григория как некоей монадической сущности, представляющей собой органическую полноту индивидуумов, что Цаххубер понимает в смысле имманентного реализма (р. 445–448). В контексте идей Григория, Цаххубер рассматривает учения таких авторов, как Леонтий Византийский, Анастасий Антиохийский, Максим Исповедник, Севир Антиохийский, Иоанн Филопон (о котором Цаххубер говорит как об авторе, чье рассматриваемое в рамках ортодоксии в качестве курьеза тритеистическое понимание Троицы основано на учении об универсалиях, которое является обычновенным среди аристотелевских комментаторов и отличным от соответствующего учения Григория Нисского, р. 463–464) и Иоанн Дамаскин.

В целом данная книга предоставляет читателю весьма полезный очерк развития проблематики универсалий в античной (и не только) философской традиции в ее контексте и представляет собой новый шаг в изучении этой тематики. К минусам сборника можно отнести то, что хотя в нем представлен ряд тем важных, но тем не менее акцидентальных по отношению к собственно

проблематике универсалий в античной философской традиции (как проблематика универсалий в античной медицине и у отцов Церкви), некоторые из тем, имеющих непосредственное отношение к этой проблематике, не рассматриваются в сборнике, либо им уделяется очень мало внимания. Например, в сборнике лишь мельком затронуто учение об универсалиях у Плотина, а также т.н. «умная» теория универсалий Ямвлиха. И фактически совсем не затронуто учение поздних платоников, таких как Прокл, Аммоний Гермий, Дамаский.